

Кун-Пао

公報

Харбин. Год издания VI-й.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

На 1-ую страницу объявления не принимаются. После текста—50 зол. коп., среди текста—80 зол. коп., оф. фиц. и носящая оф. фиц. характер—0.80 к., предложение труда за 5 строк — 0.50 ц., потеря паспортов за 5 стр. — 1 дол., сторонние сообщения — 1 д. с. п. Главная контора: Офиц. перескам, 35 Отделения: Пристань Дзюна-ьная, угол Водопроводной, Китайская 9а (стор. эт. Нов. Гор. Нютоготоя, 43, (ряд с трамвайной конторой). Модягоу, уг. Гоголевск. й и Перч. вной.

На лині : во всѣх клосках КВЖД.

Воскресенье, 20 декабря

1931 г. № 1549

•KUNG PAO• registered at the Chinese Post Office for transmission with special postage privileges in China

В этом номеръ 14 стр.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕХОВА.

Что мы знаем о философии Чехова, кроме фразы, ставшей уже банальной что через триста лет земля превратится в цветущий сад, а небо будет в алмазах.

Видно, что осталось нам от Чехова, как нѣкій оптимистический прогноз будущего, как полное и безусловное осуждение настоящего, как вѣнец его кажущегося пессимизма...

Почему то так принято думать что этот, совершенно исключительный по изяществу настроений, мысли и, в особенности, образов, писатель, это исключительное явление русской доиндустриальной жизни, — есть пѣвец какой то нудной, скучной жизни, гдѣ то мятся ненужные, лишние чеховские люди — знаменитые персонажи знаменитых чеховских маленьких рассказов.

Тут и человек в галошах — сакраментальный педагог — якобы вообще тип русского педагога, — тут и дядя Ваня в сорок лѣтъ вспомнивший, что он еще не жил, тут и доктор из палаты номер шестой. Чеховское сѣрое небо, чеховский мелкій, противно морозящий дождик, — и природа, удивительная чеховская природа, которую жестоко и пошло уничтожает также один из чеховских героев, все время заявляющий, при видѣ красиваго пейзажа, что «хорошо бы здѣсь чайку попить».

Природа, так сказать, с точки зрѣнія чаепитія.

Вот и весь Чехов для нас — своего рода русский беллотристический Шопенгауер, пѣвец сумерек неисправимый пессимист. Но право, не будет парадоксом, если мы признаем этот взгляд на Чехова чисто обывательским взглядом и позволим себѣ, раз на всегда, не согласиться с ним.

Как это мы все преглядели, сколько изящества, красоты, эстетики, утонченной психологии в большинствѣ этих сѣрых чеховских героях, как они все красиво думают, какія у них удивительно — ажурныя прелестныя мечты; какая прекрасная интеллигентская внѣшность в большинствѣ случаев; и даже их тоска, чеховская, сѣрая тоска, окутана поэтической дымкой, какую вот теперь, у современных писателей, вы ни за какія блага не найдете. Один образ «Чайки» — Нины Зарѣчной — этой русской дѣвушки, по примитиву, что стоит!

И все эти обстоятельства должны быть признаны доминирующими в творчествѣ Чехова, равно как и то, что его философия далеко не есть философия пессимизма.

За всеми скучными, нудными людьми, за маленькой сѣренькой и скучной обывательской жизнью, в которой эти люди томятся, проглядывает ярко и бодро самоутверждение, свѣтлый взгляд на будущее, полное оправдание жизни не только текущей, но и настоящей.

И в особенности понятно послѣднее: въѣвъ масштабы жизни, ее размах был прежній размах — размах неограниченных возможностей, огромной территории, нестрого разноязычнаго конгломерата народностей, огромной потенциальной силы разнообразія жи-

тейских форм...

Чеховскую «Стень» невозможно читать без этого ощущения. Въѣвъ «Стень» это совершенно такой же эпос русского полнокровнаго духа, как «Война и мир» Толстого, — тут нѣтъ ни одной дисгармонирующей нотки, ни одного фальшиваго аккорда.

Отец Христофор, семидесятилѣтній старец, примиренный с жизнью, насыщенный жизнью, благополучный и сияющий внутренним свѣтом неслучайнаго спокойствія — да въѣвъ это сама гармонія, это апофеоз удовлетворенности. Удовлетворенности не пошлой, а прѣзлively эстетической, какую только может допустить всяческая настоящая, многоцѣнная, многообразная жизнь.

Вот он вспоминает свой разговор по латини с преосвященным Христофором, в алтарѣ, гдѣ он прислуживал юношей.

— Puer bene! Quam appellaris? спросил преосвященный.

— Hristoforus sum! — отвѣтил юноша Христофор.

— Ego conpominati... сказал ему преосвященный.

— Что значит, — добавляет рассказчик, — а — твой тезка.

И все удивлялись, — говорит отец Христофор, — как это хорошо мы говорим по-латински, и как мало нас понимает.

А Егорунка, развѣсив уши, слушает этот рассказ и вдыхает его аромат, его свѣжестъ удовлетвореннаго мудраго старчества.

В «Стени» — пожалуй, самом большом рассказѣ Чехова, — все — радость жизни, здѣсь даже и намечка нѣтъ на сѣрых чеховских настроенія, и вы не найдете здѣсь ни одного ненужнаго чеховскаго лишняго человека. Наоборот: все люди здѣсь чрезвычайно нужны для жизни, равно, как и жизнь чрезвычайно нужна всем этим людям.

Ни о какой нврастении здѣсь, и рѣчи быть не может.

И отец Христофор, и мальчик Егорунка, и возчики, и цѣлый ряд стениных типов — дѣльцев, работников, помѣщиков, мужиков, все это до прѣзлively цѣльные, крѣпкіе, насыщенные жизнью и ее запросами люди. Все это движется, дѣйствует, напористо думает и соображает, нормально, по здоровому, чувствует — словом, все это живое. А если хотите знать чеховскую философию вкратцѣ: так, как она есть, возьмите «Чернаго монаха» и перечтите его вновь. Вы увидите, что за пессимист был Чехов и как он относился к жизни.

Вот его «Черный монах», это символическое привидѣніе, бесѣдует с молодым ученым Ковриным.

— Да... — говорит «Черный монах», — Ты один из тѣх немногих, которые, по справедливости, и называются избранными Божіими. Ты служишь вѣчной правдѣ. Твои мысли, намѣренія, твои удивительная наука и вся твоя жизнь носят на себѣ бодростную небесную печать, т. е. и связаны они разумному и прекрасному, т. е. тому, что — вѣчно...

Вѣдь это же все сказано о нашем, о земном, о том, что близко послѣднему человеку — о культурѣ, и эти чеховскія мысли, высказанныя «Черным монахом» сумасшедшему, — какая это оптимистическая база для всех нас!

Но, вѣдь, Коврин сумасшедшій... Как же считается с тѣм, что только кажется сумасшедшему и в реальности не существует?

И в тѣлѣ Чехов, устами того же «Чернаго монаха» отвѣчает на это.

Друг мой, здоровы и нормальны только заурядные и стадные люди. Соображенія насчет нервнаго вѣка, пер утомленія, вырожденія и т. п., могут серьезно волновать только тѣх, кто цѣль жизни видит только в настоящем, т. е. стадных людей...

Повышенно настроеніе, экстаз, возбуж-

деніе — все то, что отличает пророков, мучеников, за идею от обыкновенных людей, противно животной сторонѣ человека, т. е. его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоров, иди в стадо...

И вот Коврин начинает упрекать своих близких за то, что они его вывелили от его сумасшествія и «Черный монах», с которым он вел все эти бесѣды, уже не появляется.

— Я сходил с ума, у меня была маниака в личіи, но за то я был весел, бодр, и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал разсудительнѣе и солиднѣе, и зато я такой, как все: я — посредственность, мнѣ скучно жить...

Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добры родственники и доктора не лечили их от вдохновенія и экстаза.

«Черный монах» философствует дальше. Коврин задает ему вопрос:

— Развѣ людям нужна вѣчная правда, раз нѣтъ вѣчной жизни?

— Вѣчная жизнь есть, — сказал монах.

— Ты вѣришь в безсмертіе людѣ?

— Да, конечно. Вас, людей, ожидает великая и блестящая будущность. И чѣм больше на землѣ тѣх людей, как ты, тѣм скорѣе осуществится это будущее. Без вас, слушателей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно. Развиваясь естественным порядком, оно долго еще ждало бы конца своей земной исторіи. Вы же на нѣсколько тысяч лѣтъ выведете его в царство Вѣчной Правды — и в этом ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословеніе Божіе, которое пошло на людей.

— А какая цѣль вѣчной жизни? — спросил Коврин.

— Как и всякой жизни — наслажденіе. Истинное наслажденіе и познаниіе, а вѣчная жизнь представит безчисленные и неисчерпаемые источники для познаниія, и в этом смыслъ сказано: в домѣ отца моего обитают многіе сущіи...

...Развѣ радость сверхъестественное чувство? Развѣ она не должна быть нормальным состояніем человека? Чѣм выше человек по умственному и нравственному состоянию, тѣм он свободнѣе, тѣм большее удовлетвореніе доставляет ему жизнь. Сократ, Платон, Марк Аврелій испытывали радость, а не печаль. И апостол говорит: постоянно радуйтесь. Радуйтесь же, и будьте счастливы!

Вот философия Чехова и не будем же ее оспаривать, ибо эта философия вполнѣ оптимистическая, вопреки нашему обывательскому мнѣнію, создавшемуся под влияніем чеховских маленьких рассказов.

— Радуйся же, и будь счастлив!...

ВАСИЛІЙ ЛОГИНОВ.